

В.А. Куренной

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-АКТИВНАЯ ГРУППА НАСЕЛЕНИЯ И ЕЕ ВЗГЛЯДЫ

КУРЕННОЙ Виталий Анатольевич – кандидат философских наук, руководитель Отделения культурологи философского факультета ГУ-ВШЭ, E-mail: kurennoi@yandex.ru

Качественное социологическое исследование, посвященное состоянию интеллектуально-активной группы. Рабочая гипотеза: советский феномен интеллигенции в современной России принимает новые формы, задача сводилась к установлению таких новых форм общественной активности.

Ключевые слова: интеллигенция, гражданская активность, гражданская самоорганизация

Качественное социологическое исследование, посвященное состоянию интеллектуально-активной группы²¹, проводилось в 13 городах России (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Владимир, Дубна, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Калининград, Нижний Новгород, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Тула) и включало в себя проведение 20 круглых столов, интервьюирование (100 интервью) и анкетирование.

Уже на этапе выработки рабочих гипотез предполагалось, что советский феномен интеллигенции в современной России принимает новые формы. Каковы эти новые формы общественной активности, каково состояние публичной интеллектуальной среды в различных регионах страны, каковы типические мировоззренческие установки представителей интеллектуально-активной группы, как они оценивают современную российскую общественно-политическую действительность — вот те вопросы, на выяснение которых было нацелено исследование.

Учитывая крайнюю неопределенность понятия «интеллигенция», в основу выборки был положен институциональный принцип. Институциональная принадлежность определялась

²¹ Проект был реализован фондом «Наследие Евразии» с привлечением гранта Общественной палаты Российской Федерации (конкурс проектов Института общественного проектирования «Проблемы развития современного российского общества»). Аналитические материалы проекта и историко-теоретический очерк, посвященный истории и теориям интеллигенции и интеллектуалов, готовятся к публикации в Фонде «Наследие Евразии».

матрицей, имеющей два измерения: причастность центрам производства знания (формальный критерий «интеллектуальности») и причастность общественным, медийным и культурным институтам (формальный критерий «активности» (публичности), понимаемой здесь как ориентация на аудиторию помимо профессиональной сферы деятельности). Таким образом, в сферу исследования были включены представители образовательных и научных учреждений, масс-медиа и Интернета, неправительственных и некоммерческих организаций, творческих союзов, фрилансеры и публицисты, а также представители Русской Православной Церкви. В целом группа, в соответствии с западной традицией, может быть определена как «публичные интеллектуалы»²². Формат реализации проекта, выстроенный вокруг круглых столов, уже по фактору достижимости позволил выявить различную степень открытости этих групп для взаимодействия в публичном коммуникативном пространстве. Наибольшую открытость демонстрируют представители академического сообщества и неправительственных организаций, наименьшую — представители РПЦ.

Учитывая качественный характер исследования, которое по ряду критериев можно отнести к культурно-антропологическому или этнографическому подходу²³, результаты анализировались в рамках различных методологий — дискурсивного анализа специфики употребления социальных понятий, социологии знания, конверсационной методологии исследования, биографического анализа. Тем самым был по возможности — насколько это позволяли отведенные на обработку данных сроки проекта — реализован методологический принцип триангуляции²⁴.

²² Ср.: Posner R. A. *Public Intellectuals. A Study of Decline*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. – 408 р.

²³ Разновидности «понимающего» этнографического подхода используются в том случае, если не существует возможности прибегнуть к более точным методам исследования (См.: Angrosino M.V. *Doing ethnographic and observational research* – Los Angeles (Calif.): Sage Publications, 2007. – P 20). Но это, на наш взгляд, и есть тот случай, когда речь идет о таких группах, как «интеллигенция», «интеллектуалы» и, в нашем случае, «интеллектуально-активная группа».

²⁴ «Триангуляция предполагает, что исследователи исходят из различных перспектив применительно к одной изучаемой теме или, более широко, в ходе ответа на поставленные исследовательские вопросы. Эти перспективы могут быть реализованы путем использования нескольких методов и/или нескольких теоретических подходов, которые являются или должны быть взаимосвязаны. Кроме того, триангуляция предписывает сочетать различные виды данных на фоне различных теоретических перспектив, используемых по отношению к этим данным. Настолько, насколько это возможно, эти перспективы должны обрабатываться и применяться по отношению к одному материалу равно последовательным образом. В то же время триангуляция (различных методов и типов данных) должна предусматривать принципиальное приращение знания. В частности, триангуляция должна давать знание на различных уровнях, что означает выход за пределы того типа знания, который можно получить в рамках одного подхода, и, таким образом, содействовать росту качества исследования» (Flick U. *Managing Quality in Qualitative Research*. – Los Angeles (Calif.): Sage Publications, 2007. – P. 41.). Эти требования не были реализованы в полной мере лишь постольку, поскольку в фокусе различных

Социальные маркеры

Выделенная по формально-институциональным критериям интеллектуально-активная группа представляет собой методологическую конструкцию. Но является ли она реально социально интегрированной? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к средствам дискурсивного анализа. Такие группы, как «интеллигенция», «интеллектуалы» и т.д. являются самоопределяющимися сообществами, конституирование которых невозможно без соответствующих социальных понятий (маркеров) и системы дискурсивных различий, отличающих эти сообщества от других²⁵. Исторически известны периоды активной борьбы за символическое присвоение и семантическое определение этих понятий и соответствующей системы различий («интеллигенция» и «интеллигентщина» (Н. Бердяев), «интеллигенция» и «образованщина» (А. Солженицын) и т.д.). Без подобного самоопределения и семантической борьбы такого рода группы просто не существуют, представляя собой, в лучшем случае, социальную фикцию, производную от выбранной методологии социологических исследований. Поэтому важнейшая задача настоящего проекта состояла в том, чтобы выявить дискурсивные особенности использования релевантных социальных понятий.

Основные понятия, используемые интеллектуально-активной группой, — «интеллигенция», «интеллектуал», «эксперт», «профессионал», а также различные профессиональные и деятельностные самоидентификации («университетский преподаватель», «поэт», «художник»). В некоторых случаях употребляются другие социально-стратификационные понятия («средний класс»). Использование данных понятий зависит от актуального контекста коммуникации и во многих случаях не носит устойчивого характера.

Понятие «интеллигенция» – ценностно-нагруженный социальный маркер, ассоциированный с прошлым (в первую очередь советским прошлым). Эта особенность влияет на отношение к нему: интеллигенция определяется (нередко с ностальгией) как ушедший или уходящий в прошлое социальный феномен. Главным для нее является не набор интеллектуальных компетенций, а габитус поведения («и моральные принципы, и воспитание, и речевая культура вместе взятые»), тип социальной роли («миссия»), для исполнения которой в современном обществе нет необходимых социальных условий или запросов. В таком качестве понятие «интеллигенция» противопоставляется — нередко с осуждением — понятию «интеллектуал», трактуемому как ценностно-нейтральный социальный тип, успешно

методологических подходов, используемых в настоящем исследовании, не находился весь объем имеющегося эмпирического материала.

²⁵ См., например: Кустарев А.С. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. – М.: КМК, 2006. – С. 48-86.

использующий (продающий) свои интеллектуальные компетенции. Однако в городах с высокой плотностью и, соответственно, дифференцированностью культурно-интеллектуальной жизни — прежде всего в Москве и Петербурге — понятию «интеллектуал» придается позитивный социально-значимый смысл, связываемый с активной вовлеченностью в общественные, политические и городские проблемы, специфической социально-критической позицией. Соответственно, нейтральные интеллектуальные компетенции подводятся уже не под понятие «интеллектуал», а под понятия «эксперт» или «профессионал». Последние рассматриваются как роли, связанные с продажей своих интеллектуальных компетенций на рынке, с работой «на заказ», успешностью, не обремененностью самостоятельной интеллектуально-критической или социально-мировоззренческой позицией.

Один из примечательных сюжетов, который не регулярно, но в разных контекстах и очень выразительно звучал в ходе наших встреч, — проблема отсутствия социального маркера для наименования новой российской интеллектуальной группы, возникающей на месте «интеллигенции», ассоциирующейся с уходящей реальностью советского и досоветского прошлого. Понятийная сложность обусловлена в данном случае сложностью социальной — только складывающиеся очертания этой новой группы (групп) не вписываются в прежний набор профессий, родов деятельности и типов активности прежней интеллигенции. К сложностям здесь стоит отнести, по-видимому, и высокую коммуникативную фрагментированность современного российского общества, где одни социальные группы очень плохо осведомлены о том, что происходит с другими. Неудивительно, что этот мотив возникал, например, не у представителей академической среды, довольно жестко, особенно в регионах, замкнутых в своих институциональных рамках, но у людей с широкой и динамичной сетью контактов — редакторов региональных газет, у тех, кто имеет реальный опыт взаимодействия с новой политической и предпринимательской средой, и т. д. Прочитую характерное высказывание: *«Я очень благодарен судьбе за то, что исчезли во мне вот эти столь нелюбимые мной ныне высокомерие и брезгливость, которые свойственны российской — советской и постсоветской интеллигенции. С каждым годом они казались мне все более необоснованными. Из личного опыта, из опыта очень многих коллег, с которыми я сталкивался, я просто абсолютно достоверно знаю, что среди этих, условно говоря, новых олигархов, новых управленцев, среди адвокатов, психоаналитиков, всяких там креативщиков и вообще того поколения, которому меньше сорока, — среди них огромное число интеллектуалов и вполне себе образованных людей, вполне себе мыслящих и склонных,*

скажем так, к метафизическим тревогам. И вовсе это не привилегия учителей или преподавателей вузов и так далее» (Дмитрий, Нижний Новгород).

Указанные дискурсивные смещения социально-идентификационных понятий свидетельствуют о структурных изменениях современной российской интеллектуальной среды, по отношению к которой советское понятие «интеллигенция» не является релевантным и достаточным образом отражающим сложность новой среды.

Состояние интеллектуальной среды и модели социального поведения

Одна из задач исследования заключалась в попытке ответить на вопрос, в каких сферах социальной активности формально-выделяемая интеллектуально-активная группа является реально социально интегрированной и активной за пределами своей профессиональной сферы и своих корпоративных лояльностей. Полученные результаты позволяют утверждать, что особенностью интеллектуально-активной среды является высокая социальная *фрагментированность*. Основные факторы, называемые в качестве причин данной ситуации, таковы:

- отсутствие материальных и временных ресурсов для самоорганизации, активности за пределами профессиональной сферы;
- индивидуализм как доминирующая стратегия поведения;
- нарастающая профессионализация и специализация интеллектуальной деятельности;
- сверхэксплуатация собственных интеллектуальных ресурсов (преподавательские подработки и т.д.);
- отсутствие городской (локальной) коммуникативной инфраструктуры;
- отсутствие социального запроса, а также прямой антиинтеллектуализм («бескультурие») общества и властных структур.

К перечисленным причинам фрагментированности интеллектуально-активной группы следует относиться с определенной долей критичности: помимо внешних причин существуют, очевидно, и внутренние факторы. В их числе — автономизм, приобретающий характер социального эскапизма; отсутствие социальных навыков самоорганизации; привычка апеллировать к государству или (уже в постсоветский период) опираться на фактически благотворительные средства различных фондов и т.д.

Социальная фрагментированность формирует такую модель социального поведения, как *автономизм*: индивидуальная реализация культурной миссии, позиция, как выразился один из респондентов, «монахов культуры». Органичной формой реализации автономистской модели социального поведения является профессиональная деятельность в рамках преимущественно образовательных, академических и культурных институтов. Автономистская модель, таким образом, не является уделом одиночек — она основывается на существующей системе общественных институтов — образовательных и культурных, которые и служат естественной средой реализации автономистской модели интеллектуальной активности. Реализация определенных публичных инициатив (организация семинара или регулярных лекций на базе музея, библиотеки, университета и т.д.) в этом отношении представляет собой не чисто автономный, а институционально-фундированный тип публичной социальной активности.

В российской интеллектуальной среде функционируют и другие модели интеллектуального поведения, предполагающие активную позицию и социальную самоорганизацию. Их можно дифференцировать, исходя из предполагаемого ими горизонта интеллектуальной активности и соответствующего типа социального действия: *интернациональная, национальная, республиканская/областная, городская*.

Выбор и устойчивое воспроизводство одной из этих моделей обусловлены идейным содержанием парадигмы, побуждающей к групповой социальной активности. Но, кроме того, требуется некоторая критическая масса *организационных* и коммуникативных условий, достаточных для поддержания социальной активности, направляемой данным идейным содержанием. Если два эти условия не соблюдаются в равной мере, возникает типичная ситуация «разговоров на кухне»: можно рассуждать о каких угодно проблемах и прокламировать какие угодно мировоззренческие цели, но это не имеет ровно никакого социально-публичного значения²⁶. Для того, чтобы обрести такое значение, необходима та или иная форма организационного и коммуникативного воплощения, простирающегося, скажем, от партийной ячейки до возможности опубликовать свою статью в прессе или на посещаемом интернет-ресурсе. Тезис о структурной корреляции между идейным содержанием и организационной формой является стандартным для классической социологии знания и, конечно, должен приниматься во внимание во всяком исследовании форм интеллектуальной активности. Согласно формулировке Макса Шелера: «Там, где идеи не находят сил, интересов,

²⁶ Хотя, возможно, может иметь культурное или, скажем, терапевтическое значение.

страстей, порывов, а также соответствующих “действий” (“Betriebe”), объективированных в форме институтов, они совершенно лишены *реально-исторического* значения, какова бы ни была их собственная духовная ценность»²⁷.

Этот тезис требует учитывать корреляцию между идеологией и социально-коммуникативными условиями ее воспроизводства, позволяя включить неструктурированное многообразие интеллектуальных позиций в типологию, увязанную с определенными *социальными* типами интеллектуальной активности. В то же время данное положение Макса Шелера релевантно лишь по отношению к исторически значимым интеллектуальным феноменам. Далеко не все идеи находят организационное и институциональное воплощение, хотя без наличия идей, без соответствующего содержательного горизонта интеллектуальной активности ни одна организационная и институциональная форма просто не может возникнуть. Кроме того, необходимо учитывать, что в современном обществе распространены сетевые формы организации и коммуникации, которые могут быть зафиксированы с помощью специальных, целенаправленных исследований.

Мировоззрение и идеологические дифференциации

Политико-идеологическая конкретность характерна лишь для узкой группы «идеологических виртуозов» (М. Вебер), действующих в логике интернациональной и национальной модели социального действия. Эта отчетливо дифференцированная группа, сконцентрированная прежде всего в Москве, формирует основной объем предложения на российском идеологическом и мировоззренческом рынке, продукция которого покрывает весь спектр возможных политико-идеологических позиций (от крайне либерального до крайне консервативного). В то же время ограниченный уровень спроса на продукцию массового производителя политико-идеологического сектора, доминирование ограниченного круга потребителей (прежде всего государства) порождает у идеологических виртуозов требование расширить потребительский спрос, что политически формулируется как требование демократизации.

В структурном отношении основная проблема состоит в том, что данный рынок ограничен средой московских и, в некоторой степени, питерских интеллектуалов. Идеологические виртуозы, разбирающиеся в нюансах текущей политической конкуренции, сосредоточены именно здесь. Исключение на региональном уровне представляют единицы.

²⁷ Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Gesammelte Werke. Bd. 8. 3. Aufl. – Bern/München: Franke Verlag, 1980. – S. 40.

За пределами этой зоны фактически нет ни интеллектуально-идеологического рынка, ни дифференцированной интеллектуальной конкуренции. Эмпирически это проявляется в том, что контрольные вопросы, связанные с текущим политико-интеллектуальным состоянием российского общества, воспринимаются как *нерелевантные* актуальному социальному опыту представителей региональных интеллектуально-активных групп, а фиксируемые «ответы по существу» имеют ситуативный характер. При этом собеседники отдают себе ясный отчет в контекстуальной обусловленности своей позиции, связанной, в частности, с отсутствием соответствующей общественно-политической, интеллектуальной и городской инфраструктуры.

Литература:

1. Кустарев А.С. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. – М.: КМК, 2006. – С. 48-86.
2. Angrosino M.V. Doing ethnographic and observational research – Los Angeles (Calif.): Sage Publications, 2007. – P 20.
3. Flick U. Managing Quality in Qualitative Research. – Los Angeles (Calif.): Sage Publications, 2007. – P. 41.
4. Posner R. A. Public Intellectuals. A Study of Decline. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. – 408 p.
5. Scheler M. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Gesammelte Werke. Bd. 8. 3. Aufl. – Bern/München: Franke Verlag, 1980. – S. 40.